

МАЛЫШИ «ЛЕНИВОЙ МАМЫ» В ДЕТСКОМ САДУ

АННА БЫКОВА

ПЕДАГОГ, ПСИХОЛОГ, АВТОР СЕРИИ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

РОССИЙСКАЯ
МЕТОДИКА
ВОСПИТАНИЯ,
КОТОРУЮ ОЦЕНИЛИ
МАМЫ
ПО ВСЕМУ
МИРУ

Анна Александровна Быкова
Мальши «ленивой
мамы» в детском саду
Серия «Ленивая мама»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66847203

Мальши «ленивой мамы» в детском саду / Анна Быкова: Эксмо;

Москва; 2022

ISBN 978-5-04-162359-3

Аннотация

Анна Быкова популярный российский педагог и психолог, мама двоих сыновей, автор серии бестселлеров Ленивая мама, опубликованных в 18 странах. Эта книга призвана помочь всем родителям, кто впервые отправляет ребенка в детский сад или уже столкнулся с трудностями при адаптации.

Вы узнаете:

- как маме и малышу комфортно пережить расставание;
- как справляться с истериками, капризами и агрессией;
- как помочь ребенку подружиться с воспитательницей и другими детьми;
- как понять, хорошо ли малышу в детском саду;
- в чем причина плохого аппетита и частых простуд.

Практический опыт автора, профессиональные рекомендации и реальные истории помогут правильно подготовить и себя, и ребенка к новому этапу жизни. А главное, вы поймете, что детский сад это совсем не страшно! Новое дополненное издание книги "Мой ребенок с удовольствием ходит в детский сад".

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение	8
Максимка. О страшной чужой тете	10
Марина. О жажде внимания	20
Виталик. Об умении ждать	30
Бориска. О важности новых трусов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Быкова
Малыши «ленивой
мамы» в детском саду

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации

@katyazzzmama

«Ленивая мама»® является зарегистрированным товарным знаком. Все права на его использование принадлежат ООО «Издательство «Эксмо»

© Быкова А., текст, 2022

© katyazzzmaма, иллюстрации, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Введение

С проблемой адаптации ребенка к детскому саду я сталкивалась неоднократно и с разных сторон: как мама, как воспитатель младшей группы, как детский и семейный психолог. Я помню, как ужасно адаптировался к детскому саду мой старший сын. Много плакал, много болел: частые ангины, тяжелые затяжные отиты. Он перестал часто болеть только тогда, когда я, оставив преподавание в колледже, устроилась на должность воспитателя в его детский сад. Я работала воспитателем в детском саду как раз в то время, когда училась на психолога, имея базовое высшее педагогическое образование. Учитывая мою практическую деятельность, для выпускной работы я выбрала тему «Психологическое сопровождение процесса адаптации детей к дошкольному образовательному учреждению». Мне очень хотелось помочь детям своей группы, особенно тем, которые уже на протяжении четырех-шести месяцев не могли привыкнуть к садику. Они тосковали по дому, плакали, болели, словом, демонстрировали все те симптомы, которые я наблюдала в период затяжной адаптации у своего старшего сына. В результате у всех адаптирующихся детей наблюдалась положительная динамика, даже у тех, кто ее не проявлял в течение нескольких месяцев посещения детского сада. Некоторые адаптированные к садику дети, но посещающие его без особого желания, ста-

ли ходить в детский сад с удовольствием.

Мой младший сын привык к детскому саду быстро, даже стремительно. В первый же день расстался без слез и остался на тихий час. Вообще я планировала его забрать после обеда, но за обедом он уснул и его перенесли в кровать. Можно назвать это просто везением, но на самом деле для достижения такого результата я сознательно работала, используя полученный опыт и знания, которыми с открытым сердцем делюсь с вами в этой книге. В ней вы найдете реальные истории сложных адаптаций с победным завершением. Анализ педагогических ошибок. Объяснение реакций ребенка. Работющие фишки и приемы. Никаких распространенных банальностей, типа «придерживайтесь дома принятого в садике режима дня», ибо совсем не это определяет успешность адаптации. В книге я делюсь своим практическим опытом, который опирается на знания детской психологии.

Максимка. О страшной чужой тете

Мой первый рабочий день в детском саду совпал с началом адаптации Максимки. Прежний воспитатель, работавшая на группе, предупредила меня, что будет сложный ребенок, который маму совсем не отпускает. Малыш уже ходил в садик пару дней, потом неделю болел и вот опять выходит... Даже не знаю, кто больше испугался нашей встречи, я или Максимка.

Мне тоже нужно было время для адаптации к детскому саду, я сама в состоянии стресса первого рабочего дня, а тут ребенок, который с ужасом смотрит на меня, как на олицетворение зла. Ситуация осложнялась отсутствием помощника воспитателя (няни или нянечки, как обычно ее называют родители). Максимка орал, вцепившись в маму: «Мамочка, не оставляй меня, пожалуйста!» Мне полагалось силой оторвать ребенка от мамы (а как иначе?), отвлекая, придержать его до момента ее ухода, а потом утешать до маминого возвращения.

Но у меня в руках кастрюля, я раскладываю детям кашу, потому что сегодня нет помощника воспитателя. Я не могу взять ребенка, потому что руки заняты кастрюлей.

И не могу поставить кастрюлю, потому что надо разложить по тарелкам двадцать порций каши.

А потом еще разлить какао по чашкам.

А еще нарезать хлеб и намазать маслом.

А еще покормить с ложки тех, кто не умеет или не хочет есть сам.

В это время родители продолжают приводить детей. Они хотят познакомиться с новым воспитателем, задать вопросы, рассказать про особенности своего ребенка.

А я режу хлеб чертовски тупым ножом, пока Максимка громко орет, вцепившись в маму.

Я знаю, что нужно поговорить с родителями, проводить вновь пришедшего малыша до умывальника, помочь ему вымыть руки, посадить за стол. Но я все еще не сделала двадцать бутербродов. (Масло. Как будто только что из морозилки. Оно же не мажется!)

А Андрюшка уже пролил на себя какао.

А Юлечка так далеко засунула ложку в рот, что вызвала рвотный рефлекс. Ее стошнило на стол, на пол, на сарафанчик. Я в полной растерянности. Сначала переодевать детей или сначала вытирать пол? А пол от рвотных масс отмывать просто водой или с «Део-хлором»? Как же все сложно!

Через несколько дней я уже ловко управлялась с кашей, успевая общаться с родителями. Ножи наточила, а сливочное масло догадалась оттаивать на крышке кастрюли с горячим какао. Да и рвоты у детей случались крайне редко. Просто в первый день все так навалилось. Как будто мироздание проверяло на устойчивость мое желание работать в детском саду: «А не вернуться ли тебе обратно в колледж препода-

вать дискретную математику, руководить дипломным проектированием? Очень хотела работать с маленькими детьми – получай все прелести работы с ними. Хорошо подумала? Вот орущий Максимка, которого ты боишься взять на руки...»

А мама Максимки все ждет, когда же я возьму ребенка. Но ее терпение уже на исходе:

– Возьмите уже у меня ребенка! Сколько можно?! Я так больше не могу! – возмущается она.

Максимка с ужасом смотрит на меня. Я с ужасом смотрю на Максимку, на рвотные массы и какао на полу, и честно признаюсь:

– Я не могу. Я не готова. Пожалуйста, можно не сегодня? Вам нужно на работу?

Наверное, у меня была очень умоляющая интонация. Мама сжалилась:

– Я пока не работаю. Мы можем сейчас уйти домой. Но я все-таки хочу, чтобы мой сын ходил в садик. Как нам быть?

– Я подумаю и позвоню вам вечером.

Первый рабочий день мне дался очень нелегко.

Я подумала. Решение пришло явно нестандартное. И я даже сомневалась, согласится ли мама Максима с ним.

– Понимаете, для Максима в садике все чужое. И я такая же чужая. Он боится и садик, и меня, как часть страшного садика. Нужно, чтобы я установила с ним контакт вне стен садика. Чтобы он сначала привык ко мне, и уже потом шел не в садик, а поиграть с Аней. Только это надо сделать как-

то ненавязчиво. Давайте будем по вечерам гулять на одной площадке. Я со своим сыном, а вы с Максимом. И обязательно устраивать совместные игры. А в садик пока не ходите.

Мама Максима адекватно восприняла такое предложение. Я объяснила своему сыну Арсению задачу, который в свои пять лет очень ответственно подошел к выполнению миссии и каждый вечер придумывал, что можно взять с собой на прогулку, чтобы заинтересовать Максимку.

Набор развлечений был достаточно стандартный: мыльные пузыри, цветные мелки для рисования, машинки на радиоуправлении, мяч, самокат, качели. Максимка сначала проникся доверием к Арсению, и я в его картине мира стала Аней – мамой Арсения. А Арсений, как бы между прочим, рассказывал про игры, в которые он играет в садике с ребятами. Так садик в восприятии Максима стал местом, где играет Арсений.

Не скажу, что через неделю Максимка оставался в садике без слез, но он отпускал маму, шел ко мне на руки и давал себя утешать.

Хуже, чем остаться без мамы, может быть только необходимость остаться совсем одному. «Совсем один» страшнее, чем «без мамы». Ребенок не должен идти просто в садик. Он должен идти к человеку, который будет заменять ему маму. Это придает спокойствие и уверенность: «Этот человек обо мне позаботится, поможет мне».

Легче к садику адаптируются дети, у которых уже был

опыт разлуки с мамой. Например, ребенок часто оставался с папой, или бабушкой, или тетей. Такие дети уже понимают, что может быть кто-то замещающий маму, и легче идут на контакт с воспитателем.

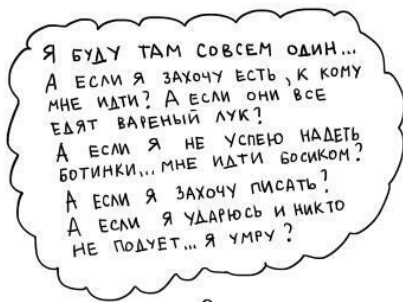
Этот же прием – знакомство с воспитателем до садика и вне стен садика – я рекомендовала своей знакомой, у которой был очень застенчивый ребенок. Для него сам по себе факт присутствия рядом чужого человека – сильный стресс. А уж если вокруг все чужое – и стены, и люди... Надо, чтобы хоть кто-то был знакомый. Лучше всего – воспитатель.

– Воспитатель же не согласится! Ей это надо? Личное время тратить на чужого ребенка.

– А это уже вопрос денег. Сколько предложишь. И насколько корректно предложишь.

– Это что? Взятка?

– Нет. Это плата за услугу. Почасовая. Как няне, как репетитору. Потраченное время должно оплачиваться – это нормально.

Сначала воспитатель просто находится рядом, в поле зрения малыша, общается с мамой. Ребенок привыкает ее видеть. Потом воспитатель аккуратно налаживает контакт, начинает разговаривать с ребенком. Он привыкает ее слышать. Потом они вместе играют: при прямом участии мамы, при ее наблюдении со стороны, а потом мама может совсем уйти на некоторое время. Конечно, это все не за час. Вероятно, понадобится несколько встреч, прежде чем ребенок перестанет бояться чужой тети. Когда малыш придет в садик, у него уже будет «свой» человек в группе.

Это может показаться нереалистичным. Я понимаю, что у

нас так не принято. Но знаю несколько таких примеров мягкой адаптации, когда ребенок знакомился с воспитателем раньше, чем с детским садом. При обоюдной заинтересованности родителей и воспитателя это можно организовать. Заинтересованность родителя понятна: облегчить адаптацию своему ребенку. А в чем заключается заинтересованность воспитателя? Тоже в облегчении адаптации.

Тяжелую адаптацию проживает не только малыш и его родители, тяжело всем участникам процесса: и воспитателю, и другим детям группы, которые оказываются в атмосфере нескончаемого плача новенького.

Я прожила сотню адаптаций и понимаю разницу. Всем вовлеченным и причастным, всем, кто находится в радиусе видимости и слышимости от малыша, легче, когда он доверяет воспитателю. Лучше, если ребенок, прижавшись к моему плечу, тихо всхлипывая, оплакивает уход мамочки, но позволяет себя утешать, чем когда он бьется на полу в агрессивной истерике от ужаса перед незнакомой обстановкой и чужой тетей, которая зачем-то к нему приближается.

Самое важное при адаптации – налаженный контакт с воспитателем.

Совершенно не обязательно по такой схеме адаптировать каждого ребенка, но желательно для тех, у кого низкая адаптационная способность. Такое «досадичное» знакомство с воспитателем поможет избежать лишних стрессов.

Я знаю, есть «отважные» родители, которые знают, что лучший способ научить плавать – это выбросить из лодки на середине реки. Соответственно, лучший способ адаптации – оставить сразу и на целый день. «Поревет и перестанет!» – говорят они. Конечно, перестанет – с этим я могу согласиться. Рано или поздно ребенок перестанет плакать хотя бы потому, что устал, нет больше сил даже на слезы. Но не могу гарантировать, что это пройдет без последствий для детской

психики. Последствием может быть потеря ощущения безопасности и страх быть покинутым. Ребенок, который раньше спокойно отходил от близких, вдруг начнет снова цепляться за маму, испытывать страх, даже если мама, находясь дома, просто выходит в соседнюю комнату. Будет требовать ее присутствия рядом даже ночью, потому что снятся кошмары. Страшные сны не случайны, это бессознательное перерабатывает события и переживания минувшего дня. Если психологическая травма будет серьезной, то она может давать о себе знать даже во взрослом возрасте при установлении близких отношений. Проявляться это будет наличием иррационального страха «меня бросят».

К психологической травме приводят события, превосходящие возможности осмысления и выдерживания. Если мы объясним ребенку, куда и зачем уйдет мама, и оставим его на время, которое он сможет выдержать (полчаса, час, постепенно увеличивая время), то травмы не будет. Если ничего не объясним и оставим на целый день, хотя раньше ребенок не имел опыта разлуки с мамой, то вероятность травмы высока. Если оставим на целый день, но при этом у ребенка уже есть неоднократный опыт, когда он проводил без мамы и более длительное время, то это тоже не будет травматично для психики.

У разных детей разные адаптационные способности, разный жизненный опыт – эти факторы важно учитывать. Если бы меня, обучая плавать, выбросили из лодки на середине

реки, я бы, пожалуй, утонула.

Марина. О жажде внимания

Маленькая, худенькая и очень смышленная девочка трех лет. Мама Марины уже полгода как вышла на работу. До детского сада Марина сидела то с одной бабушкой, то с другой. Разлука с мамой ее не смущала – она привыкла, что та каждое утро уходит на работу, что может быть другой ухаживающий взрослый, и легко пошла на контакт со мной. Накануне вечером мама зашла в группу познакомиться и задать интересные вопросы. Я попросила привести Марину в первый день пораньше. Садик работает с семи утра. Детей обычно начинают приводить ближе к восьми. Значит, если Марина придет хотя бы в половине восьмого, у меня будет целых полчаса, чтобы показать девочке группу, игрушки, поиграть с ней и только с ней. 30 минут индивидуального внимания – очень важный фактор для налаживания контакта. А налаженный контакт с воспитателем – половина успеха при адаптации.

Оказалось, что я напрасно переживала по поводу установления контакта. Марина при знакомстве сама взяла меня за руку, сама залезла ко мне на колени и начала легко и непринужденно болтать. Большинство фраз у нее начиналось со слова «Почему»:

- Почему они тоже приходят в садик?
- Почему она взяла кастрюли?

– Почему надо садиться за стол?

– Почему сюда?

– Почему он не ест?

– Почему он уронил ложку?

– Почему надо другую?

Сказать, что Марина ходила за мной весь день как хвостик, будет неправильно. Хвостики – это такие молчаливые детки, которые просто не выпускают из своей руки мою руку. Марина же не выпускала не только мою руку, но и мое внимание. Не хвостик, а пиявочка. Она мешала разговаривать с другими детьми, перебивая и громко спрашивая: «Почему ты разговариваешь с ним? Разговаривай только со мной». «Марина, я здесь не только для тебя, я здесь для всех детей и разговариваю со всеми», – этого Марина не могла понять.

Когда ко мне в группу зашла заведующая с вопросом, Марина без тени смущения встала между нами и, обращаясь ко мне, громко сказала: «Не разговаривай с ней, разговаривай со мной!» Заведующая в легком шоке от наивного детского хамства. Я взяла Марину за руку, отвела в сторону и попросила:

– Марина, сейчас тебе нужно немножко помолчать, а нам поговорить.

– Почему мне помолчать, а вам поговорить? – Марина и «помолчать» несовместимы.

Это была тяжелая прогулка. Марина требовала безраздельного внимания, то и дело сбивая меня со счета. А мне

нужно было обязательно считать до двадцати четырех – это не блажь и не обсессивно-компульсивное расстройство. Это столько детей должно быть в совокупности в песочнице, на веранде, на машине, на скамейке, на асфальте.

Двадцать три.

И я несусь за веранду – вдруг кто-то скрылся там от моих глаз. Марина за мной: «Куда ты? Почему ты убегаешь?» Вывожу из-за веранды Рому и снова пересчитываю.

Все равно двадцать три.

Дети, как муравьи, хаотично перемещаются по участку. То скрываются за спинами друг друга, то выныривают из-под скамейки, то опять... «Я кому сказала! Нельзя заходить за веранду!» Я паникую, у меня все равно двадцать три, и я начинаю считать отдельно девочек и мальчиков, а Марина громко кричит: «Почему ты со мной не разговариваешь?!» Артема нет! Артема нет на участке! Он ходит в садик третий день. Мама его оставляет пока только до обеда. Он не плачет, активно играет, но проблема в том, что он не знает границ. В первый день я его несколько раз ловила при попытке покинуть участок. Во второй день все прошло гладко. Я рано расслабилась. На третий день Тема исчез. Я кричу коллеге с соседнего участка: «Присмотри за моими!» И быстро бегу к входным воротам. Марина замечает, что я намереваюсь исчезнуть из ее поля зрения, и у нее начинается истерика. Она бежит за мной и ревет: «Почему ты убегаешь!» Запинается, падает, ревет еще громче. Я кричу ей: «Марина, беги

на участок», а сама шарю глазами в поисках мальчика. Марина встает и с громким плачем бежит за мной. Но бежит медленно, а мне надо бежать быстро, надо срочно найти Тему. Я хватаю Марину на руки (какое счастье, что она такая худенькая и легкая) и стремительно бегу к входным воротам. Обычно они всегда закрыты во время прогулки, но вдруг... У ворот, как и положено во время прогулки, стоит охранник.

– Денис, ты тут мальчика не видел?

– Нет.

Ворота закрыты, значит, выйти не мог. Выдыхаю, бегу дальше. Артема я нахожу на участке средней группы в песочнице. Опускаю Марину с рук на землю. Она тут же вцепляется в мою руку и в мой мозг вопросом: «Почему ты от меня убегала?» Беру в другую руку Артема, отчитываю: «Нельзя уходить. Я всегда должна тебя видеть», – и спешу на свой участок пересчитывать детей под Маринин аккомпанемент: «Почему ты мне не отвечаешь?»

Я устала. Я чертовски устала от этой милой девочки. Но это была только середина дня. А Марину забрали после ужина, последней. Мы остались с ней вдвоем в группе. Я достала пазлы в надежде, что Марина молча их пособирает, но оказалось, что Марина даже думает вслух. Я, кажется, размышляла о своей профнепригодности. Нельзя интроверту работать с детьми с 7 утра до 19 вечера: он закончится раньше, чем его рабочий день. Я машинально поддерживала беседу, выдавливая из себя «угу» и «ага», но мозг уже отключился

от содержания, переведя Марину в режим фонового радио. Наверное, я даже смотрела куда-то в одну точку. Из оцепенения меня вывел смех. Это смеялись родители Марины, наблюдающие за нами через дверной проем. «У бабушки нашей после дня, проведенного с Мариной, такое же выражение лица», – прокомментировали они увиденное.

Делюсь с родителями Марины своими переживаниями:

– Честно говоря, это тяжело. Марина требует безраздельного внимания. А мое внимание должно делиться на всех детей.

Папа эмоционально закивал, в его глазах читалось: «Вы тоже! Вы тоже это заметили!», – а вслух он сказал:

– Это реальная проблема! Мы не можем дома поговорить друг с другом, потому что Марина тут же перебивает! Она требует, чтобы слушали только ее, а сама говорит без умолку. Обсудить с женой какие-то вопросы мы можем только после того, как уложим Марину спать.

Реальная проблема? Но ведь родители сами создали ее. Тем, что не пытались исправить поведение, не говорили что-то вроде: «Марина, давай сейчас послушаем маму. Марина, сейчас папина очередь говорить».

На следующий день мы делаем коллективную творческую работу «Цветочный ковер». На большой ватман зеленого цвета наклеиваем цветы, заранее вырезанные из цветной бумаги. Они отличаются по цвету и размеру. Дети могут сами выбрать, какой цветочек и куда наклеить. В этой простой работе очень диагностично раскрываются характеры детей. Вилена – яркая девочка с лидерскими задатками – выбирает

ярко-алый крупный цветок и лепит его в самый центр, потом поворачивается к подружке Олеся и командует: «А ты вот этот желтый рядом приклей». Олеся слушается. Она всегда слушается Вилену. И это меня смущает. Вилена придумывает правила игры и диктует их Олеся. А та не смеет отказать. Я только по глазам девочки могу догадаться, нравится ли ей предложенная игра. И спрашиваю: «Олеся, ты хочешь в это играть?» «Нет», – шепотом отвечает Олеся, боясь обидеть Вилену. Вот и сейчас я останавливаю лидерский порыв Вилены: «Не командуй, пожалуйста. Пусть Олеся сама выберет цветочек!» Олеся в нерешительности замирает. Ее рука уже тянулась за желтым цветком и зависла после моих слов. Олеся выбирает небольшой нежно-розовый цветок и клеит его в уголок листа.

– Почему ты не клеишь цветок? – спрашивает меня Марина.

Она уже выбрала себе маленький ярко-малиновый цветок, но почему-то не спешит наклеивать.

Действительно, на этой поляне цветов мне тоже нужно найти место. Я выбираю самый большой цветок. Больше, чем у Вилены. Странно, что она сама его не взяла. Или не странно, а, наоборот, нормально, что Вилена оставила его для меня. Это в представлении взрослых людей я маленькая и худенькая, а в своей группе трехлеток – бесспорно, самая крупная фигура. И только я размещаю свой большой цветок на поляне, Марина клеит сверху свой ярко-малиновый.

Я помню из школьного курса биологии, что есть такие растения-паразиты, которые поселяются на других растениях и питаются за их счет. Да, есть ощущение, что за вчерашний день эта крошка выпила всю мою энергию. Что-то надо с этим делать. Цветов осталось много, и я предлагаю Марине наклеить еще цветочек. Марина выбирает маленький цветочек, на несколько секунд задумывается и приземляет цветок поверх большого цветка Вилены.

Почему же эта девочка не клеит цветок на свободное пространство, а только на чей-то цветок? Потребность в чьем-то внимании? В наличии свободных ушей?

Однако это идея: поручить Вилене шефство над Мариной. Немного освободятся мои уши от Марины и Олеся от лидерского натиска Вилены.

Вечером спрашиваю маму Марины:

– Бывают ли моменты, когда Марина остается без внимания? Может ли она сама себя занять, немного поиграть одна?

– Нет, у нас такого не бывает. С ней постоянно кто-то рядом. Она не дает мне готовить ужин, если папы нет дома. Обычно в таких случаях бабушка задерживается, чтобы я могла приготовить ужин, пока она играет с Мариной. Если сама Марина не хочет есть, то мы с папой ужинаем по очереди: пока один ест, другой играет с Мариной. Причем игры она придумывает сама, играет сама, но нужен обязательно зритель.

– А что будет, если бабушка уйдет домой, а мама не пойдет

играть, а останется на кухне готовить ужин?

– Ну, – неуверенно предполагает мама, – Марина тогда будет реветь.

– Я правильно понимаю, что вы стараетесь не допускать таких слез?

– Да, конечно.

Дети, которые не режут дома, потому что никогда не сталкиваются с отказом, потом очень много режут в садике.

Я имею в виду капризы и сиюминутные исполнения желаний. Для Марины было неприятным открытием, что я делаю то, что должна делать, а не то, что хочет Марина прямо сейчас, и слезы ей тут не помогали...

– Почему ты не хочешь мне читать?

– Ты же видишь, я накрываю на стол.

– Почему ты накрываешь, а не читаешь?

– Потому что сейчас будет завтрак и мне нужно накрыть на стол.

К концу дня я уставала давать развернутые объяснения и отвечала просто: «Потому что».

Через неделю стало легче. Во-первых, Марина стала спокойней относиться к тому, что я могу быть занята другими детьми или другими делами. Во-вторых, научилась делать зрителями своих игр некоторых ребят из группы.

Адаптацию Марины можно назвать легкой. Но было бы еще легче, если бы до детского сада Марина поняла, что взрослые могут быть заняты своими делами, а не только Ма-

риной.

Я понимаю, что детские слезы – тяжелое испытание для взрослой психики. Порой хочется идти на разные уступки, только чтобы не слышать, как он ревет. Но реальность такова, что весь остальной мир не будет подстраиваться под желания ребенка. Однажды ему все равно придется встретиться с отказом, испытать по этому поводу негативные эмоции: злость, печаль, отчаяние, обиду. И только после этого включаются адаптационные механизмы психики, помогающие выдерживать отказ. В три года ребенок хорошо понимает свои желания, понимает себя как отдельную личность, понимает, что есть другие люди. Важно еще объяснить, что у других людей есть свои желания и потребности.

Виталик. Об умении ждать

Как-то услышала критику в адрес одной школы развития по поводу плохой материальной базы: детям предложили собирать пирамидку по очереди. Если дети в этой школе развития время от времени что-то делают по очереди, то это безусловный плюс к занятиям. Хорошо, если периодически на занятиях дети будут собирать пирамидку по очереди. Потому что без очереди они ее и дома соберут. Я специально на своих занятиях в школе развития давала малышам что-то делать по очереди, так как одна из задач занятий – подготовить их к детскому саду.

В детском саду ребенку постоянно приходится ждать своей очереди. Ждать, когда поставят компот, ждать, когда освободится унитаз, ждать, когда помогут одеться. Не умеющие ждать малыши испытывают стресс и закатывают истерику.

– Одень меня! – ревет Виталик.

Новенький, сам еще не умеет одеваться. И ждать тоже не умеет. Я одеваю его самым первым, но это не спасает от слез. Потому что одетому Виталику немедленно хочется на улицу, но опять приходится ждать остальных.

– Дай мне руку! – новая волна слез.

Новенькие малыши часто ходят исключительно за руку с воспитателем. Им так спокойнее. Обычно во время прогулки

у меня заняты обе руки. Причем держащихся за меня детей может быть больше двух. Настя и Катя, например, довольствуются двумя пальчиками. А за пятый – мизинец – еще может ухватиться Костик. Мне не жалко руки для Виталика, но сейчас я надеваю варежки. 25 пар. У меня большой опыт по надеванию варежек и натренированные дети. Процесс налажен и занимает в общей сложности пять минут. Как только мы выходим из здания садика, дети встают в очередь, протягивая мне варежки. Дальше на свой участок можно идти только в варежках. Варежки не надеваем в группе специально, чтобы малыши в верхней одежде не находились лишнее время в жарком помещении. Пять минут мои руки заняты варежками, а Виталик стоит рядом, жаждет мою руку и ревет. Потому что не умеет ждать.

Потом он ревет «Раздень меня».

Потом «Покорми меня».

Потом «Посиди со мной».

Засыпает Виталик, только если сидишь с ним рядом на краешке кровати и гладишь по спине. А мне нужно каждому из ребят поправить одеяло и нашептывать сон. Есть у нас такой ритуал. И вот пока я обхожу остальных ребят, периодически обращаясь к Виталику: «Подожди, я сейчас подойду», он ревет. Потому что не умеет ждать.

В моей группе есть несколько ребят, которые в свои три года уже старшие дети в семье. Для них ждать – не проблема. Они привыкли делить внимание взрослых с братом или

сестрой. Они привыкли ждать, пока мама оденет брата или сестру, пока малыш наестся или уснет.

Ждать – это очень важное умение. Умеющий ждать ребенок бережет нервы и свои, и родителей. Ждать – это потерпеть, переключиться, занять себя чем-то. Ждать – это когда все прихоти не выполняются сию минуту. Ждать – это понимание, что есть другие, со своими желаниями и потребностями.

Для легкой адаптации к садiku научите ребенка ждать. И даже если вы в садик не собираетесь, все равно научите. В

жизни пригодится.

Как этому научить? Ждать – это навык. Как любой навык, формируется постепенно, через многочисленное повторение. То есть научить можно только регулярно предлагая подождать. Начиная с минуты ожидания. Потом увеличивая время. Обычная жизнь постоянно подкидывает для этого возможности. «Подожди, пока каша остынет», «Подожди, мама еще не оделась», «Подожди, я сначала закончу мыть посуду, а потом пойду с тобой играть», а еще ежедневное «Подожди, мама выйдет из туалета».

Если это настолько естественно, что никаких специальных педагогических приемов не требуется, то почему же Виталик не умел ждать? Потому что с самого рождения Виталика для помощи маме (которая продолжала работать из дома) взяли няню и домработницу, задача которой была готовить еду и убирать дом. Три женщины на одного малыша. Все процессы были так оптимизированы, что потребности когда-то чего-то ждать у Виталика не возникало. А в три года с получением путевки в муниципальный детский сад жизнь Виталика круто изменилась и потребовала от него новых навыков.

Бориска. О важности новых трусов

– Кать, он почему у тебя босиком?

– Ну нет у меня сандалий!

– Так купи!

– Нет у меня денег! Я же только что на работу устроилась.

В группе новенький. Сын воспитательницы. Она действительно только что устроилась на работу и еще не получила зарплату, чтобы купить ребенку обувь.

– Кать, у тебя же муж есть, он работает. Неужели нет денег на сандалии?

– У нас бюджет отдельный. А на ребенка расходы пополам. Он купит один сандалик, но второй должна купить я, а у меня пока денег нет.

– Пипец, – я позволила себе выразиться совершенно непедагогично, пользуясь тем, что дети спят и не слышат.

Мне не хотелось объяснять каждому родителю, почему в моей группе ходит босой ребенок. Да и ребенку явно было не по себе, что все в сандаликах, а он – без. Бориска очень радовался, когда я принесла ему сандалии. Старые, из которых уже вырос мой сын Арсений. «У Бориски сандалики! У Бориски сандалики!» – целый день повторял Бориска. «Спасибо», – сказала мама Катя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.